

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

С. В. Лебедев

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ
МОДЗАЛЕВСКИЙ
(1837–1896)
(К 175-летию со дня рождения)

УДК 371.4

ББК 74.03(2)

В статье рассматривается биография выдающегося историка педагогики Льва Николаевича Модзалевского, его становление как выдающегося русского педагога.

Ключевые слова: Модзалевский, «Очерк истории воспитания и обучения», наставник-наблюдатель.

Lebedev C. V.

LEV NIKOLAYEVICH MODZALEVSKIY
(1837-1896)
(On the 175th birth anniversary)

The article presents a biography of the famous historian of pedagogy Lev Nikolayevich Modzalevskiy and traces his evolvement into an outstanding Russian pedagogue.

Key word: Modzalevskiy, “An Outline of the History of Upbringing and Education”, supervisor-observer.

Л. Н. Модзалевский родился 14 февраля 1837 г. в деревне Гари Гдовского уезда в семье отставного штабс-капитана. В семилетнем возрасте его отвезли в Санкт-Петербург и отдали в частный пансион Прасоловича. В 1848 году он поступил в 3-ю Санкт-

Петербургскую гимназию, считавшуюся одной из лучших. По окончании гимназического курса учился в Санкт-Петербургском университете (1855—1859), из которого был выпущен с дипломом кандидата историко-филологических наук. Будучи студентом,

Л. Н. Модзалевский начал свою педагогическую деятельность в качестве репетитора по словесности, истории и древним языкам, опыт классного преподавания он получал в маленькой бесплатной школе, основанной студентами: «В старании овладеть вниманием моих мальчиков, бойких и впечатлительных, в старании передать доступное им знание, я извещал новое наслаждение и почуствовал, что школа есть моя родная среда. Мне было так хорошо в классе, как в гостях у самых близких и любимых людей, и я пожелал навсегда тут остаться» [1. С 394—395].

После окончания обучения на историко-филологическом отделении Л. Н. Модзалевский поступает на двухгодичные педагогические курсы при Санкт-Петербургском университете. «Занятия кандидатов педагогов того времени делились по двум главным направлениям: научному при университетах под руководством профессоров факультетов, и практическому — при одной из гимназий, где молодые люди, под руководством гимназического начальства и подлежащих учителей, должны были заниматься преподаванием избранных ими для изучения предметов. В первом отношении я принялся за изучение русской литературы и русской истории под руководством профессора М. И. Сухомлинова и Н. И. Костомарова; для усовершенствования в методическом преподавании я прикомандировался к 3-й Санкт-Петербургской гимназии и поступил под руководство своих прежних наставников: директора В. Х. Лемониуса и учителя В. Я. Стоюнина,

имя которого уже пользовалось громкой известностью в русской педагогической литературе» [Там же. С. 414—415]. Во время педагогической практики Л. Н. Модзалевский преподавал отечественный язык и словесность в младших классах Училища правоведения и Смольного женского института.

В 1862 году Л. Н. Модзалевский по рекомендации Министерства народного просвещения командирован в Германию с «ученой целью», общее руководство молодыми учеными осуществлял Н. И. Пирогов. Встретившись за границей с К. Д. Ушинским, Л. Н. Модзалевский впоследствии вспоминал, «что общение с этими великими учителями были счастливым обстоятельством, в котором проходили научные занятия» [Там же. С. 396]. На протяжении двух лет Л. Н. Модзалевский в Гейдельберге и Йенском университетах изучал педагогику, психологию, физиологию, философию, знакомился с организацией учебно-воспитательного дела в народных школах, детских садах, гимназиях, ремесленных школах, педагогических учебных заведениях Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии, Англии. Свои впечатления и отчеты о зарубежной системе образования Л. Н. Модзалевский в 1863—1865 гг. регулярно публиковал в журнале Министерства народного просвещения, а заметки о быте студентов вышли отдельной брошюрой «О студентах в Германии».

Возвратившись из-за границы, Л. Н. Модзалевский занялся педагогической практикой. В 1864 году

он возобновляет свою деятельность в Смольном институте, в 3-й Санкт-Петербургской гимназии; по поручению Министерства народного просвещения организует курсы для подготовки учителей народной школы при Андреевском уездном училище, преподает методику первоначального обучения, русский и славянский языки, выполняет обязанности инспектора курсов.

В 1865 году Л. Н. Модзалевский в качестве депутата от Министерства народного просвещения России участвует в Лейпцигском общегерманском съезде учителей. В этом же году он приступает к работе на Педагогических курсах для приготовления учителей военных гимназий, открытых при 2-й военной гимназии. Вместе с ним на курсах под руководством полковника Г. Г. Даниловича преподавали К. К. Сент-Илер, И. Ф. Рашевский, Д. Д. Семенов, В. А. Рашевский, ставшие впоследствии гордостью отечественной школы. При этом Модзалевский плодотворно сотрудничает с педагогическими журналами. Его работы публикуются в «Педагогическом сборнике», Журнале Министерства Народного Просвещения. В эти годы он создает «Очерки истории воспитания и обучения», первую фундаментальную работу по истории педагогики, которая вышла в 1866—1899 гг. три издания и способствовала выработке правильных приемов преподавания для многих российских учителей и учительниц.

В 1866 году Л. Н. Модзалевский по личной просьбе принца Ольденбургского работает инспекто-

ром приюта его высочества, реформируя за короткий срок систему образования и воспитания. При этом особое внимание он обращает на нравственное, эстетическое воспитание, трудовое обучение, физическое развитие воспитанников приюта, среди которых было большинство сирот.

В 1867 г. Л. Н. Модзалевский был приглашен наставником-наблюдателем к детям Великого князя Михаила Николаевича, наместника Кавказа. В течение 15 лет Л. Н. Модзалевский вел плодотворную педагогическую, административную, общественную и литературную деятельность. Помимо воспитания детей Великого князя, он являлся чиновником для особых поручений при попечителе Кавказского учебного округа Я. М. Неверове, принимал участие в заседаниях попечительского совета, готовил заключения по учебным материалам, поступающим в округ. В 1870-х — 1883 гг., занимая должность окружного инспектора Кавказского учебного округа и председателя Кавказского цензурного комитета, будучи директором женской гимназии в Тифлисе, он организовал школу для прохождения педагогической практики учениц специального класса, открыл пансион для иногородних гимназисток. Кроме того, талантливый педагог проявил себя как выдающийся организатор, участник просветительской и творческой деятельности. Он сочинял литературные тексты для вокальных пьес, под псевдонимом Гарский написал либретто оперы «Тарас Бульба», выступал с публичными лекциями, продолжал сотрудничество со столичными педагоги-

ческими журналами «Семья и школа», «Народная школа», в газете «Кавказ» опубликовал более 150 статей, посвященных различным общественным проблемам. Спустя много лет стало известно, что Л. Н. Модзалевский являлся автором многих детских стихотворений, включенных К. Д. Ушинским в «Родное слово».

В 1882—1883 гг. из-за разногласий, возникших в Комитете по цензуре, ссылаясь на расстроенное здоровье, Л. Н. Модзалевский подает прошение об отставке и на шесть лет уходит от педагогической, общественной и литературной работы.

В 1889 году Л. Н. Модзалевский вновь возвращается к педагогической деятельности, приняв должность инспектора классов и члена совета Санкт-Петербургского женского Мариинского института. В 1895—1896 гг. Л. Н. Модзалевский служит директором училища глухонемых.

В последний период своей жизни Л. Н. Модзалевский возобновляет интенсивную общественную и литературную деятельность. При его непосредственном участии был создан «Союз ревнителей русского слова», цель которого «пробуждать в русском обществе уважение к самобытности и коренным свойствам русской речи, поддерживать и развивать любовь к ней, способствовать сближению книжного языка с народным и тем самым содействовать выработке общепонятного русского языка, как главнейшего орудия распространения просвещения, бороться за освобождение современной речи от излишних иностранных слов и оборотов, за раз-

работку богатств русского народного языка и усиление его значения в школе и семье, за правильный, чистый язык народных книг и учебников» [4. С. 114].

Основное место в последнее десятилетие его педагогической деятельности занимали изучение и пропаганда педагогического наследия Я. А. Коменского и К. Д. Ушинского. В 1892 году, накануне празднования 300-летнего юбилея Я. А. Коменского, Л. Н. Модзалевский провел большую работу по ознакомлению русского общества с педагогической деятельностью великого педагога. По его инициативе был создан отдел Коменского при Педагогическом музее, изданы его сочинения.

Значительна роль Л. Н. Модзалевского в изучении, популяризации идей К. Д. Ушинского. Он одним из первых оценил значение его педагогических идей. Так, в 1881 году в газете «Кавказ» была опубликована его статья «К биографии К. Д. Ушинского», а в 1893 году в журнале «Народная школа» изданы письма К. Д. Ушинского к Модзалевскому, снабженные пояснениями и примечаниями последнего. В 1894 году совместно с К. К. Сент-Илером он подготовил к изданию работу К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Возглавляя Комиссию по увековечиванию памяти К. Д. Ушинского при Санкт-Петербургском педагогическом обществе взаимной помощи, Л. Н. Модзалевский пишет рецензию на биографический юбилейный очерк

М. А. Песковского «К. Д. Ушинский, его жизнь и педагогическая деятельность», принимает деятельное участие в подготовке торжественного заседания в память 25-летия со дня кончины К. Д. Ушинского, состоявшегося в Педагогическом музее 22 декабря 1895 года. Он уверен, что «Ушинский — это наш действительно народный педагог, точно так же, как Ломоносов — наш народный ученый, Суворов — наш народный полководец, Пушкин — наш народный поэт, Глинка — наш народный композитор» [3. С. 162].

Рассматривая педагогику как систему научных знаний, Л. Н. Модзалевский обращал особое внимание на изучение истории педагогики: «Без знания истории воспитания педагогу нельзя быть передовым деятелем

своего времени, ибо все наши стремления и задачи необходимо подчиняются закону преемственности. Только незнание истории и неуважение к ней могло произвести тех Дон-Кихотов в воспитательном деле, которых у нас появилось немало за последнее время и которые иногда при всем благородстве своих стремлений только вредят нормальному развитию педагогического дела в нашем Отечестве» [2. С. 23].

Талантливый педагог, крупнейший историк педагогики, общественный деятель и организатор курсов по подготовке учителей, автор 234 публикаций, сделавший очень много для развития педагогического образования России, внезапно скончался 12 мая 1896 года, проведя за день до этого свой первый выпуск воспитанников училища глухонемых.

Список литературы

1. Модзалевский, Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения. В 2 ч. Ч. 2 / Л. Н. Модзалевский. — СПб. : Алетей, 2000. — 489 с.
2. Модзалевский, Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения. В 2 ч. Ч. 1 / Л. Н. Модзалевский. — СПб. : Алетей, 2000. — 425 с.
3. Модзалевский, Л. Н. О народности воспитания по Ушинскому / Л. Н. Модзалевский // Памяти К. Д. Ушинского. — СПб., 1896.
4. Михайлова, М. А. Н. Модзалевский / М. Михайлова // Советская педагогика. — 1987. — № 10. — С. 112—115.

ОБРАЩАЯСЬ К ИСТОЧНИКАМ Модзалевский Л. Н.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА И ЕЕ ПЕРВЫЙ ЖЕНСКИЙ ИНСТИТУТ¹

Основательница Мариинского института... Императрица Мария Федоровна по прибытии своем в Россию в 1776 году, принесла с собою новые взгляды на женское воспитание, значительно отличавшееся от взглядов Екатерины Великой и ее сотрудника в этой сфере, ревностного последователя идей Локка и Базедова — И. И. Бецкого. Получив сама воспитание в недрах дружной, просвещенной и богобоязненной семьи, среди прекрасной природы Монбельярского герцогства, содействовавших развитию в ней преобладающего *идиллического* настроения; ознакомившись с господствовавшими тогда идеями французской литературы, проникнутыми любовью к природе и к естественному воспитанию на началах Ж.-Жака Руссо, она была не чужда и педагогическо-филантропических стремлений другого великого реформатора воспитания — Генриха Песталоцци, с которым впоследствии даже состояла в переписке.

<...>

Все эти высокие качества ума и сердца Императрица Мария Федоровна немедленно применила к делу и внесла в жизнь, как только она призвана была, после смерти Великой

Монархини, в 1796 году, стать во главе воспитательных и благотворительных учреждений, получивших начало еще при ее гениальной Предшественнице, главное внимание которой было постоянно отвлекаемо от этой области обширную и многостороннюю государственную деятельность. Система *раннего отчуждения детей* от родителей, отчасти испытанная Государыней Марией Федоровной на собственных сыновьях — Александре и Константине Павловичах, была не по душе ей; не разделяла она и господствовавших тогда забот об образовании преимущественно высшего, *дворянского* сословия, будучи, вероятно, под влиянием современных идей о высоком значении буржуазии, важного государственного значения которой не отрицала и сама Екатерина Великая. Во всяком случае, воспитанная среди французского общества Монбельяра, Мария Федоровна была чужда исключительности русских дворянских традиций; ум, талант и знание она одинаково ценила, как и древность рода или наследственность богатства. Все это подтверждается первыми же ее шагами на административно-педагогическом поприще, направленными

¹ Модзалевский Л. Н. Императрица Мария Федоровна и ее первый женский институт: Из истории Санкт-Петербургского Мариинского института [Электронный ресурс] / Л. Н. Модзалевский. — Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/rs101003000000/rs101003548000/rs101003548589/rs101003548589.pdf> — Дата обращения: 17.12.2011.

к поддержанию *семейных* начал воспитания и к расширению *умственного* развития девушек не только высшего, но и среднего сословия.

Приняв, вследствие указа нового Императора Павла Петровича от 19-го ноября 1796 года, в свое ближайшее заведывание — Воспитательное Общество благородных девиц — с его 12-ти летним курсом воспитания, при формальном обязательстве родителей не брать своих дочерей ранее 12-ти летнего срока пребывания их в заведении, Императрица Мария Федоровна начинает с того, что, в начале следующего же года (11-го января 1797 года), *сокращает* этот срок на целых 3 года, приказав принимать девочек как дворянского, так и мещанского сословия, (на мещанском отделении Общества), вместо 5—6-ти летнего возраста, не моложе 9-ти — 10-ти лет и, соответственно с этим, изменяет весь план их образования. Желая подготовить Совет Смольного института к введению этой реформы, она еще от 4-го января того же 1797 года, между прочим, пишет ему: «Пятилетний ребенок не может воспользоваться никакой наукой. Опасно, я скажу — даже жестоко, требовать от этих маленьких существ прилежания в тот нежный возраст, когда их организм развивается преимущественно физически. Оторванный от семьи *пяти* лет от роду, ребенок не может сохранить никакого воспоминания о своих родителях. И уж никаких воспоминаний о родительских ласках, он, вместо радости и удовольствия, будет чувствовать страх и отвращение при мысли о возвращении домой». Таким образом, Государыня, будучи сама чадолюбивою матерью, и с других матерей не снимала обязанности

самим заботиться о *первоначальном* духовно-нравственном развитии своих детей; она признавала, что *без семьи не может быть и чистой нравственности*, а теорию Бецкого «Об образовании новой породы граждан» считала крайней и вредной как для детей, так отчасти и для самих родителей. Тогдашнюю слишком раннюю и продолжительную отрешенность детей от действительной жизни она, даже вопреки взгляду Ж. Жака Руссо о развращающем влиянии общества на детей, считала односторонней, и допускала закрытое воспитание *единственно для сирот* и вообще для обездоленных детей, лишенных необходимых средств к воспитанию в собственной семье вследствие сиротства, или крайней бедности, или нравственной испорченности и невежества самой семьи. Предостерегая воспитательниц Смольного института от вредных последствий совершенно закрытого воспитания, каковы, напр., экзальтация воображения, мечтательность, она в 1802 году пишет: «Следует иногда разрушать иллюзии воспитанниц и не позволять развиваться экзальтации чувств: даже прекрасный идеал иногда вредит действительному благу. Многим из них придется жить в деревне, среди малообразованных людей, в уединении; надобно, чтобы они были к этому готовы и умели ужиться с каждым честным человеком; чтобы они, видя примеры лести и порока, не были, однако, застигнуты врасплох, находя нравственную опору в религии. Но, украшая и укрепляя дух их, необходимо *развивать их ум и любовь к труду*, чтобы он всегда имели ресурс в самих себе. Главная задача воспитания состоят в умении научить их *находить*

источник нравственных наслаждений в самих себе и вокруг себя.

Исходя из таких высоких принципов, стремясь укреплять характер, направить волю тогдашних институток, Государыня не могла, однако, не сознавать, как трудно достигнуть всего этого одними добрыми желаниями воспитательниц, без соответственного умственного развития и без соприкосновения с самой жизнью в ее нуждах, заботах, в ее радостях и горестях, которые полною чашею испила она сама.

<...>

Но как ни были правильны, гуманны и практичны взгляды Императрицы Марии Федоровны на женское воспитание сравнительно с Екатерининскими, однако она, по присущей ей скромности и из уважения к памяти своей Августейшей Свекрови, не решалась на коренную ломку ею односторонней воспитательной системы. Не только по отношению к Смольному институту, но даже основывая другие, новые институты, она позволяла себе только *смягчать* и несколько *исправлять* крайности Екатерининского устава; она стеснялась совершенною отменой этого устава, может быть, еще и потому, что не считала себя полною хозяйкою этих казенных учреждений, составляющих собственность государства и продукт его исторического развития <...>

Однако столь законное стремление к самостоятельности, столь естественное желание *осуществить и проверить и собственную систему правильного женского воспитания*, выработанную путем долгих наблюдений и глубоких размышлений, побуждают Государыню учредить, в виде опыта, *свое собственное* воспитательное заведение, на

свои частные средства, без всяких затрат и как бы без всякого риска со стороны государства. Этого, по-видимому, требовало чувство скромности Государыни, отличавшейся всегда и во всем самую тонкою деликатностью и осторожностью. И вот она, в том же 1797 году спешит *самолично и собственноручно* начертать план такого «опытного» питомника для сирот и бедных девушек, который был бы свободен от крайностей Екатерининской, чисто монастырской воспитательной системы, созданный католическими патерами применительно к потребностям высшего французского общества того времени, и превознесенной придворными французскими писателями. Для тогдашней России нужны были другие условия воспитания, сближавшие ее с тою Европою, какую Мария Федоровна еще ближе узнала во время своего путешествия, в качестве супруги Цесаревича Павла, и, в то же время, соответствовавшая собственно русским национальным потребностям. Набрасывая план своего *собственного* института, озаглавленный «Institut Marie» и донныне неприкосновенно хранящийся в архиве Ведомства ее имени, Государыня прежде всего *предназначала его для сирот*, не снимая, таким образом, с матерей священной обязанности заботиться о воспитании и первоначальном образовании собственных дочерей; затем *возвышала приемный возраст* и тем сокращала самые сроки пребывания детей в институте, чтобы не отчуждать их слишком от действительной жизни; не допускала *слишком богатого многолюдства* в заведении, ведущего к «казарменности», т. е. к обезличиванию под гнетом одной внешней дисциплины; *устраняла рез-*

кое сословное деление питомиц, существовавшее в Смольном институте, признавая лишь необходимое деление их по преобладающим способностям к труду — или умственному, или художественно-ремесленному; *требовала возможно большей простоты быта и знания хозяйственных потребностей жизни*, одинаково обязательных для каждой жены и матери; на случай неустройства семейного положения, *предназначала каждую воспитанницу к делу воспитания и обучения других детей* — или по наукам, или по рукоделиям, или по простому присмотру за детьми, смотря по образовательному цензу воспитанницы, определяемому при ее выпуске; *обращала особенное внимание на практическое и грамматическое знание не только французского, но и немецкого языка*, преподавание которых она совершенно упразднила (вместе с музыкой и танцами) на Мещанском отделении Смольного института на том основании, что «развитие светских талантов не только вредно, но и пагубно для мещанок, так как выводит их из условий их среды» <...> Эти существенные свои особенности Мариинский институт удержал в главных чертах, а иногда и в некоторых частностях, до настоящего времени, свято храня заветы своей незабвенной Основательницы, и развивая их согласно с требованиями науки и жизни, в их поступательном движении среди русского общества. Для более правильного обзора тех прогрессивных изменений, которые оказались необходимыми в продолжение долгой, почти столетней (1707–1894 гг.) жизни Мариинского института, всю историю его можно разделить на *три* главных

периода, тесно связанных между собою непосредственной преемственностью высшего руководства этим заведением лиц Августейших Особ Императорской Фамилии, а также и строжайшею постепенностью и последовательностью во внутреннем его развитии на заложенных Императрицей Марией Федоровной основаниях.

Первый период обнимает время от основания института, в 1797 г., по 1828-ой, <...> т. е. более 31 года. *Второй* период, с включением почти годичного временного заведывания институтом лично самим Императором Николаем Павловичем, простирается с 1828 года по 1873 г., так как в течение последующих 44-х лет заведение это состояло под высоким покровительством <...> Великой Княгини Елены Павловны и, наконец, *третий* период продолжается с 1873 года по 30 апреля сего года, когда институт, в продолжение 20-ти слишком лет, имел счастье состоять под покровительством <...> Государыни Великой Княгини Екатерины Михайловны.

Первый период (1797–1828 г.)

а) *Учреждение Мариинского института.*

Первая мысль об учреждении собственного, независимого от Екатерининских законоположений института, могла появиться у новой Императрицы Марии Федоровны немедленно по назначении ее, в ноябре 1796 года, к заведыванию *единственным* тогда в России государственным женским институтом — Воспитательным обществом благородных девиц и состоящим при нем Мещанским училищем, с уставами которых ей необходимо было теперь ознакомиться ближайшим образом. Кроме

чисто филантропических побуждений, столь свойственных любвеобильному сердцу Государыни, у нее, как уже было упомянуто, естественно могло явиться желание попробовать избежать тех крайностей, какие уже давали себя чувствовать в этом первом создании ее великой Предшественницы, — она набросала достопамятный *план* нового воспитательного заведения, к сожалению, не имеющий даты. Но, судя по содержанию этого наброска, можно заключить, что он был сделан только для памяти, без всякой законодательной отделки, и, во всяком случае, предшествовал открытию того, как бы частного, ее учреждения, в котором Государыня, еще не надеясь на свою опытность, думала пока *производить опыты и наблюдения*, и уж затем придать ему более точную и определенную организацию. Судя по сохранившимся в архивах документам, прием сирот и был начат с *июня 1791 года*, открытие же самого помещения для них, приспособление которого также требовало времени, последовало лишь в *декабре* того же года, т. е. пред началом тогдашнего учебного года, что согласно и с данными 50-ти летней *хроники* того ведомства, которому было впоследствии присвоено имя Императрицы Марии. При открытии этого ее *первого по времени, собственного* института, в нем состояло лишь 7 сирот; а потому ему и было вначале присвоено, согласно его ближайшему назначению, наименование «Сиротского училища», хотя в тогдашних документах он нередко называется также «Маринским для сирот институтом», или «Сиротским институтом», а иногда даже «Императорским Маринским институтом». Пер-

вый собственноручный устав этого заведения, озаглавленный словами «Institut Marie», Государыня, как уже сказано, еще не считала окончательным и не представляла на утверждение своего царственного Супруга. Только 17-го ноября 1800 года последовало Высочайшее повеление, которым этому первому учреждению милосердной Государыни было присвоено название «*Маринского института*», в честь его Высокой Основательницы.

б) *Административная часть.*

Так как в первоначальном плане или временном уставе Маринского института Императрица Мария Федоровна ничего не упоминает об управлении этим заведением, то из этого можно заключить, что Государыня оставляла лично за собою всю распорядительную часть по заведению, возложив исполнение своих приказаний на надзирательницу *Анерт* и на смотрителя дома, <...> которому была также поручена и вся письменная часть.

Принимая все расходы по содержанию института на свое иждивение, Государыня определяет его комплект в 40 человек, для дочерей лиц преимущественно среднего сословия, принимаемых по баллотировке, и к ним добавляет еще 10 отдельных пансионеров, назначаемых из дочерей служащих или служивших при ею особе лиц, по ею личному выбору и усмотрению, хотя бы дети и имели обоих родителей. Все кандидатки на вышеупомянутые 40 штатных вакансий должны быть подразделяемы на *три разряда*; при выбор кандидаток на баллотировку предпочтение отдается сперва *круглым сиротам*; за ними следуют *полусироты* и, наконец, при наличности вакансий, допускаются

девочки, имеющие обоих родителей. Принимаемые дети должны быть совершенно здоровы; в противном случае они не допускаются к приему и могут быть возвращаемы родителям даже после приема, но не позже, как через 6 месяцев.

Возраст для приема Государыня определяет от 10 до 11-ти, а в крайних случаях — и до 12-ти лет, но удерживает за собою право назначать своих приемных пансионеров (в числе 10) и с 8-ми летнего возраста. Нормальный срок пребывания воспитанниц в институт она полагает *6-ти летним* с теми отступлениями, которые ею будут допускаемы в крайних случаях. Выпускной возраст она принимает для пансионеров — в 16 лет, но предполагает также и отступления.

В следующем за открытием института в 1798 году, — котором Императрицею Марию Федоровною было учреждено «Училище ордена Св. Екатерины», она признала необходимым назначить для ближайшего заведывания делами Мариинского института и для исполнения ее поручений по этому заведению особого *директора*, «определить к надзирательнице, переименованной в *главную*, отдельную *помощницу*, и преподавать им небольшую, *инструкцию* об их обязанностях и взаимных отношениях.

Придавая особенное значение рукодельным работам воспитанниц, столь любимым ею лично, Государыня, во § 2 этой инструкции, предписывает разделить воспитанниц по их успешности в этом деле «на *три класса*: в 1-м, которые уже вышивают, во 2-м — которые белые шьют и вяжут, и в 3-м — которые только вяжут». В лице директора объединяются все

отрасли управления заведением, и он является посредником между ним и Государыней, которой прибавилось столько забот и попечений с открытием Екатерининского института и с началом и которых частных реформ в других учреждениях, подведомственных Опекунскому совету.

Вскоре Государыня нашла для себя усердного и даровитого помощника в лице тогда еще колл. сов. *Г. И. Вилламова* (1801 г.) — и внутренняя организация Мариинского института, которому она посвящала свои главные заботы, быстро двинулась вперед. Все нужды и потребности его, по рапортам Главной надзирательницы, (переименованной с 1807 года в *директрису*), или по докладом директора, обыкновенно удовлетворялись Государыней *в тот же день*, и ответы делались нередко собственноручно. Пользуясь опытом уже прожитых институтом лет, она, в 1807 году, составила для него более обстоятельное, состоящее из 17 параграфов *Положение*, в котором точно и определенно выражена главная цель принятой ею системы воспитания сирот: «*чтобы сделать из них честных и добродетельных жен, хороших и сведущих хозяек, попечительных надзирательниц, и искусных во всяких женских рукоделиях работниц*». Здесь же впервые точно определен и штат служащих и прислуги: директор, директриса, 2 классных дамы, эконома, священник (он же законоучитель и учитель русского языка), 4 учителя наук и 2 рукодельных учительницы (вышивания и делания кружев), доктор, кастелянша, 4 прислужника, 2 служанки для кухни и 4 прачки. Положение определяет и нормальный бюджет института — в

13000 руб. асс. отпускаемых ежегодно из казны Ее Императорского Величества, что, при комплекте сирот в 40 человек, составляет значительную по-тогдашнему сумму — по 325 руб. асс. в год на каждую воспитанницу. За своих личных пансионеров Государыня платила отдельно, смотря по их числу, так как некоторых сирот она отдавала в Марининский институт лишь временно, до открытия казенных вакансий в этом же или в других институтах, — особенно, если число уже имеющихся в Марининском институте ее собственных пансионеров уже превышало число 10.

Еще более полным и многосторонним является последующий *Устав*, составленный Г. И. Вилламовым на основании 14-ти летнего опыта Государыни, и апробированный ею *30-го марта 1811 года*; уставу этому она и оставалась верна до самой смерти. В нем, в 25 пунктах, с замечательною точностью определены все стороны жизни Марининского института: *цель его учреждения, прием и выпуск девиц, воспитательная и учебная части, благоустройство, порядок и приходо-расходная отчетность*. Штаты заведения расширены настолько, что годовой бюджет его, при том же комплекте воспитанниц в 50 чел. (40 штатных и 10 Императрицы Марии), определен уже в 18000 руб. асс, или по 360 руб. на каждую воспитанницу. За собственных пансионеров Государыня полагала добавочную плату по 250 р. асс. в год. *Практическая цель воспитания, по этому новому уставу, по прежнему двоякая, смотря по способностям и призванию, а не по сословному происхождению воспитанниц: приготовление их или к воспитанию*

других, или для рукоделия и хозяйства, столь необходимых в семейной жизни.

Нравственные цели воспитания должны быть также одинаковы для всех институток, к какому бы сословию они не принадлежали и в каком бы отделении ни обучались: в общеобразовательном или в профессиональном. Государыня, по-видимому, всячески старалась объединить в своем маленьком «опытном питомнике» те две стороны воспитания, которые были слишком резко разъединены, и притом по *сословному* принципу, в двух отделениях Смольного института, порождая столь прискорбный антагонизм между питомцами. Правда, в «мещанском» отделении Смольного по уставу также допускалось, начиная с 3-го класса, т. е. на 7-й год воспитания, выделение более даровитых воспитанниц и перемещение их на «благородную» половину, для дальнейшего умственного образования, — но мера эта применялась с трудом, и «мещанки» плохо уживались с «благородными».

Условия приема и выпуска, относительно возраста, оставлены в этом уставе 1811-го года те же, что и в положении 1807 года; только еще точнее ограничен прием 10-ти летних штатных воспитанниц, для которых нормальным возрастом окончательно признан *11-ти летний*. Но зато добавлено немало преимуществ для сирот и бесприютных, при выпуске их из заведения. «Для тех, — говорится в уставе, — которые не имеют пристанища, приискываются приличные места в *публичных учреждениях* или *хороших частных домах*, и они при выпуске снабжаются нужною одеждою и бельем из суммы, которая (333

руб. асс.) в каждую треть вносится на приращение в Сохранную казну Воспитательного дома из собственной Ее Императорского Величества кассы. А если которой воспитаннице, не имеющей ни родителей, ни родственников, представляется случай при выпуске к выходу в замужество прямо из института, такой, сверх выработанных (рукодельями) денег, жалуются еще сто рублей (асс.) в приданное». На основании этого пункта, окончившие курс сироты иногда подолгу оставались при институте, пока Государыня, ее приближенные или начальство заведения не находили ей места. Тогда Государыня требовала заключения формального условия с нанимателями такой гувернантки или учительницы, просматривала эти условия, осведомлялась о благонадежности нанимателей, заботилась о безопасном и удобном путешествии молодой девушки, если ей приходилось ехать в провинцию, а иногда даже посылала ей от себя экипаж.

Выпускные экзамены устав 1811-го года назначает в феврале, а баллотировку и прием новых воспитанниц — в апреле, причем Государыне представляются предварительно все самые подробные сведения о происхождении, возрасте, семейном и имущественном положении каждой кандидати. Круглых сирот предписывается принимать без баллотировки, если для них имеется достаточное число вакансий; а если число таких кандидаток превышает число вакансий, то баллотировка и для круглых сирот обязательна. Полусироты и вообще беднейшие баллотируются только тогда, когда для них останутся вакансии по устройстве судьбы предшествовав-

ших, более нуждающихся разрядов кандидаток. Все списки и результаты приема снова подносятся на рассмотрение и утверждение Государыни, которая по прежнему сохраняет за собой право лично назначать собственных пансионеров.

При тогдашнем недостатке в русских домашних учительницах и гувернантках, к обязанностям которых обыкновенно призывались разные иностранки нередко весьма сомнительного свойства, окончившие курс Мариинки устраивались, в большинстве случаев, без затруднений; так <...> в 1821 году Государыня делает распоряжение об определении воспитанницы Капель, отличавшейся особенными художественными способностями, «в казенное заведение для рисования», вероятно — в Академию Художеств.

Таков был обычный порядок, свидетельствующий о поразительной деятельности Государыни и самом трогательном ее участии в судьбах воспитанниц. Так, поручая однажды директрисе передать им ее одобрение и благодарность за поднесенные ей изящные рукоделья, Она приказывает «сообщить счет их стоимости и *имена детей, которые работали*». Однако Государыня, при всей нежности ее материнского сердца, иногда умела быть и строгой...

Вообще, внимание Императрицы Марии Федоровны к больным служащим и детям было безгранично, а административная ее деятельность, насколько она видна из дел Мариинского института, часто поражает такими мелкими подробностями, что приходится удивляться, как Государыня могла находить для них время.

в) *Воспитательная часть.*

Отличительной особенностью воспитательной части Мариинского института, как уже было указано, было *семейное* по духу, и преимущественно *практическое* направление всего воспитания, сравнительно с тогдашним Смольным и другими, впоследствии основанными Государыней женскими институтами, к которым, в главных основаниях, была применена Екатерининская система, как бы необязательная для *собственного* заведения Императрицы Марии Федоровны. На религиозно-нравственное воспитание детей она обращала ближайшее, непосредственное внимание. Директриса постоянно доносила ей обо всех отговевших и сподобившихся Св. причащения воспитанницах, которые удостоивались поощрения Государыни.

<...>

Здоровье воспитанниц также составляло предмет особенных и постоянных попечений Государыни, которая лично и письменно подтверждала директрисе, чтобы в хорошую погоду дети занимались рукоделиями, а, по возможности, и уроками непременно на вольном воздухе. Слабых здоровьем она брала на каникулы в Гатчину или Павловск, посылая за ними экипаж от Двора, и поручая их наблюдению своих врачей. В интересах детей, она наблюдала и за самими врачами.

<...>

Делая опыт соединения в одном заведении двух отделений воспитанниц, из которых одни готовились к умственному труду, а другие — к ручному, смотря по их природным дарованиям, Государыня несомненно сознавала и предвидела, что последние будут так

же, как и в Смольном институте, чувствовать себя в приниженном положении; а потому она, еще в первоначальном наброске устава Мариинского института (1797 г.), точно определяет, что такую бифуркацию надо производить не раньше, как *через 4 года* общего для всех образования, и что воспитанницы, посвящающие свои занятия изящным рукоделиям и хозяйству, должны пользоваться *одинаковым* с прочими столом, в общей столовой, *одинаковым* обхождением, *одинаковыми* попечениями, так как «каждый из этих разрядов, принося большие выгоды для общества, имеет одинаковые права на уважение». Изящные работы были еще более обязательны для первого (общеобразовательного) отделения; для него, однако же, полагалась отдельная спальня, в которую ученицы второго (профессионального) отделения не допускались; днем же их разделял различный род занятий. Костюм был у всех общий — платья из голубой нанки, а по праздникам — из голубого камлота. В дележе заработанных рукодельями денег, отдаваемых для приращения процентами в Сохранную казну Опекунского совета, участвуют на одинаковых правах выпускные обоих отделений: по равной части общей суммы на каждую. О размерах этой суммы можно заключить из того, что, напр., к 1-му января 1821 года, несмотря на ежегодные выдачи соответствующих паев каждой выпускной, она составляла 1.762 руб. 12 коп. асс., а так как в этом году было всего 52 воспитанницы, то каждая из 7 выпускных получила <...> по 33 руб. 88 коп. асс.

Уже в первоначальном плане института набросаны все те главные поло-

жения, которыми должны руководствоваться воспитательницы, и которые были полнее развиты впоследствии. Вот эти положения: «1) Попечения о воспитанницах должны состоять в следующем: доброте, нежной материнской заботливости и постоянном надзоре со стороны директрисы и классных дам. 2) Послушание, учтивость, прилежание, откровенность, честность составляют долг воспитанниц. 3) Опрятность в одежде, белье, в помещениях, и освежение воздуха должно наблюдаться постоянно. 4) Обязательно также полнейшее повиновение (классных дам и воспитанниц) директрисе, или заступающей ее место, точно так же, как и самой директрисе». В первом, полном и систематическом уставе института 1811-го года, оставшемся почти без изменения (кроме штата) до самой смерти Государыни, регламентируется уже весь внутренний распорядок институтской жизни, выработанный самим опытом и признанный Государынею за наилучший в воспитательном отношении. Воспитанницы должны вставать в 6 час. (впоследствии в 7 час.) утра, мыться, одеваться и молиться. За молитвой следует «фриштик» — по порции хлеба и что-нибудь горячее, по назначению врача. С 7 до 9 час. (а впоследствии с 9 до 11-ти) воспитанницы занимаются в классах науками, а потом рукодельем — до 12 час. В полдень обед из 2-х блюд, (а по праздникам из 3-х), и до 2-х часов отдых, состоящий, главным образом, в играх. В 2 часа снова начинаются занятия науками и рукодельями и продолжаются до 7-ми час. вечера. Затем снова рекреация, и в 8 час. ужин. После ужина — свободные занятия, и около 10 часов

все идут спать» (§ 9). Вероятно, во избежание особых инструкций, в этом уставе подробно развиты следующие дисциплинарные положения: в отделе *Благоустройство и порядок* — «Как со стороны наставниц простираться должно на всех воспитанниц без изъятия одинаково нежное попечение и бдительный надзор, так и со стороны воспитанниц требуется к наставницам уважение, послушание, прилежание, учтивость и откровенность, а вообще от служащих в доме подчиненных — к начальникам почтение и беспрекословное повиновение и к должности усердие» (§ 19).

<...>

Таких подробных, ныне уже, конечно, излишних регламентаций требовала тогда правильная постановка воспитания в русском обществе, еще лишенном здравых педагогических идей, водворению которых посвящала свои труды незабвенная Государыня.

<...>

Личный авторитет воспитательниц, вероятно, делал это вполне излишним. После надзирательницы г-жи *Анерт*, вскоре умершей, должность эту занимала г-жа *Луки*, переименованная сперва в главную надзирательницу, а с 1807 года — в директрису, и оставшаяся в этом звании до 1818 года. При ней, еще в 1805 году, поступила на должность классной дамы вдова титул. советн. Прасковья Ивановна *Наймановская*, возведенная в 1812 году в звание помощницы или инспектрисы, а с 1818 года — в звание директрисы, в котором она и состояла по 1839 г., прослужив в институте около 35 лет <...> У нее воспитывалась пансионерка Императрицы Марии Федоровны девица *Чепегова*.

Этой-то сироте суждено было потом сделаться ближайшею сотрудницею своей Благодетельницы при воспитании других сирот. Государыня высоко ценила преданность, усердие и педагогические дарования этой женщины <...> Добавим, что большая часть классных дам Мариинского института была впоследствии из его прежних воспитанниц, и что эта мера много способствовала установке того характера заведения, какой был желателен Императрице Марии Федоровне.

<...>

г) Учебная часть.

Так как Императрица Мария Федоровна предназначала способнейших из своих институток к педагогическому поприщу, на котором у нас в то время играли главную роль иностранки, преимущественно француженки и швейцарки, то на умственное образование Мариинок и на изучение ими французского и немецкого языков было обращено главное внимание просвещенной Государыни.

Уже в первоначальном плане устройства Мариинского института она отводит более всего места именно учебной стороне его деятельности, справедливо полагая, что полное нравственное перевоспитание русской женщины и улучшение русской семейной жизни не может достигнуть своей цели, без ответственного умственного развития институток посредством основательных знаний. Одно простое *приучение* к правильному образу жизни, т. е. укоренение добрых привычек, которым придавал такое значение приверженец идей Джона Локка — И. И. Бецкой при устройстве Смольного института, казалось ей недостаточным, что подтверждается и ее реформами в учебном

плане этого института, так как она требовала «приучения воспитанниц к чтению книг», выбор которых был сделан отчасти ею самолично, ввела занятия по ботанике и зоологии, а также физические опыты под руководством учителя «для разъяснения суеверного страха пред некоторыми явлениями природы», и предписала инспектору классов ежемесячно доносить ей об учебных успехах Смолянок (1797 г.).

Исправляя в этом отношении старое Екатерининское учреждение, к порядкам и традициям которого она относилась, однако, с чрезвычайной осторожностью по присущему ей чувству скромности и самой тонкой деликатности, она сознавала себя гораздо свободнее в создаваемом ею самой и на собственные средства институте. Вот что говорит она о постановке в нем учебного дела в том отделе своего плана, который носит заглавие «Etude»: «первый год все воспитанницы должны заниматься изучением трех языков, письмом (на них), счетом и маленькими работами (рукодельными).

2) *Первый* же год даст возможность видеть дарования воспитанниц; экзамен будет произведен лицами, которых я назначу, и которые определяют успехи воспитанниц, а равно и подаваемые ими надежды, и добавляют для тех, которые будут назначены для *второго* года (курса) учения, более распространенное знание катехизиса, языков, письма (правописания); к ним должны присоединиться: арифметика, рисование и вышивание. Слабые останутся изучать те же предметы первого года. 3) В конце *второго* года снова будет экзамен: усвоившие будут проходить дальнейший *третий* год (курс) уче-

ния. Сюда присоединятся: география и история, и будут продолжаться арифметика, рисование и работы. Слабые останутся для прохождения прежнего.

4) По окончании *третьего* года возобновляется экзамен, и более точно определяется круг образования воспитанниц. Успевших следует усовершенствовать в языках, расширить изучение ими религии, географии и истории, рисования и изящных работ, умения вести счетные книги (бухгалтерию). Слабые остаются при изучении русского языка и религии, занимаются чтением и письмом и всеми доступными им работами; этими воспитанницами окончательно пользуются для исполнения всех хозяйственных обязанностей, будь то на кухне, или на прачечной. Их не следует утруждать учением в собственном смысле: их надо занимать ближайшими сторонами хозяйства и его точнейшим изучением; даже книги им надо давать такие, которые излагают именно эти предметы. Все такие дети образуют отдельный класс, который надо назвать *вторым*; но поступление в него детей надо определять не иначе, как на 4-ый год пребывания их в институте».

Таким образом, Государыня назначает всего 2 класса, с 3-х летним курсом каждый. В следующих параграфах она определяет условия для выпуска по возрасту: самым ранним возрастом для выпуска из профессионального класса может быть 16 лет и 3 месяца, а самым поздним — 18 лет. Для первого (старшего) или общеобразовательного класса нормальным возрастом для выпуска принимается 18 лет, или, в крайнем случае, — 17 лет и 6 месяцев, если только познания в науках, языках и искусствах достаточны и характер

прочно установился. Государыня не признает обязательным непременно 12-ти-летнего, не признает даже сокращенного ею 9-ти летнего пребывания в институте, принятого ею для Смольного института, но индивидуализирует этот срок у себя в заведении от 4 до 8 лет, смотря по способностям и успехам каждой воспитанницы, в зависимости от которых определяет и ее жизненное, практическое призвание к тому или другому труду. Самый срок пребывания воспитанницы в классе обуславливается не годами, а успехами, вследствие чего в институте и проектируется всего *два класса*, 3-х летний курс которых принят, очевидно, по образцу Смольного института.

Далее идут ближайшие подробности учебного устройства ее заведения: «7) Перед выпуском каждая воспитанница подвергается экзамену в науках. 8) Ученица *второго* (младшего) класса держит экзамен в знаниях подробностей хозяйства, причем следует наблюдать, чтобы она, как предназначенная для хозяйства, умела вести счета. 9) Так как изящные работы предназначаются только для *первого* (т. е. старшего) класса, то и доход от них надо в точности делить между воспитанницами и этого класса. 10) Второй (т. е. младший) класс также, наравне с первым, исполняет изящные работы, а потому и небольшие прибыли от них равным образом должны делиться между воспитанницами второго класса». Ясно, что мудрая Государыня стремилась, уже за *сто* лет до нашего времени, удовлетворить те потребности в женском профессиональном образовании, которые нашли удовлетворение только в последнее время, с открытием *низших профессиональных школ*

и курсов, устраиваемых для изучения рукоделий, кулинарного искусства, счетоводства, наряду с возникновением разных педагогических курсов для приготовления учительниц, гувернанток, «детских садовниц», бонн. <...> Неустанно следя за первыми шагами своего института, Государыня, в 1802 году, имела радость видеть его первый выпуск, состоявшийся 2-го июня, в ее личном присутствии. Выпуска было удостоено всего 9 воспитанниц, которым законоучитель их, старший духовный цензор слов. *Державин* сказал назидательное слово, разъяснив им все значение материнских попечений о них Августейшей их Покровительницы. Часто посещая институт и состоя в постоянных сношениях с его директрисой, она с особенным интересом следила за результатами принятой ею системы воспитания, в которой она старалась *уравновесить* умственное и эстетическое развитие девушек с их будущими *семейными* обязанностями, как матерей и хозяек. Вероятно, она была довольна этими результатами, так как последующий устав 1811 года еще точнее разъясняет и закрепляет эту бифуркацию в учебном курсе Мариинок, а отчасти — и в образ жизни воспитанниц. Так, § 10 прямо указывает на это: «Воспитанницы разделяются на два класса: первый — *учебный* и второй — *хозяйственный*, имеющие особенные спальни и во время дня особенное пребывание, выключая стола, который для всех общий, так и впрочем — содержание одинаковое. § 11. Первый или учебный класс составлен из *двух отделений*: *нижнее* для вновь принимаемых и менее трех лет в институте пробывших, и *высшее* — для отличающихся спо-

собностями к учению и к тонким женским рукоделиям. В *нижнем* отделении девицы обучаются первым познаниям катехизиса, чтению и письму на трех языках: российском, французском и немецком, и началам арифметики, подвигаясь постепенно вперед, по мере их способностей; а в *высшем* отделении преподаются им: Законы веры и нравов, грамматическое познание трех вышеозначенных языков, арифметика, рисование и тонкие женские рукоделия, как то: вышивание золотом и шелками, делание кружев, цветов и т. под., а при случае обучения языкам и упражнений в чтении и переводах, подаются им общие понятия по географии и истории, не занимая их, однако, подробным познанием сих наук. § 12: Второй класс составляется из тех воспитанниц, которые, не оказывая успехов в учении и не имея способностей к наукам, с *согласия их родителей или родственников*, буде оных имеют, обращаются единственно к хозяйственным упражнениям и обучаются, по мере надобностей, приготовлению кушанья, выбору, употреблению и сохранению припасов, знанию их цен, выгоднейших способов и времени закупать их и запасаться ими, солить, сушить иправлять оные для сбережения и т. п.; также шитью белья и всякого платья, мытью, глаженью и сохранению оного, выбору материи по доброте, знанию их цен, выгоднейших способов и времени к закупке, приличнейшему и полезнейшему употреблению материй и т. п. При этом он должны привыкать к записыванию расходов и припасов и ведению всему оному порядочных счетов, словом — приуготовляются быть хорошей и сведущей хозяйкой и домо-водчицей, соразмерно их понятиям и

способностям, так чтобы, которые не могут объять все сии различные роды хозяйственных упражнений в равной степени совершенства, по крайней мере имея общие обо всем понятия, отличались в которой либо особенной части. Для лучшего же их усовершенствования в домоводстве дадут им хорошие о сем предмете книги для чтения и учения, а для упражнений в кухне дается им особенная верхняя одежда, дабы сберечь обыкновенное их платье. Хотя же они, обращая наиболее все старание свое на хозяйство, учением не занимаются, однако продолжают упражняться в нижнем отделении первого класса в катехизисе, чтении и письме российского языка и первых правилах арифметики».

Таким образом, не подлежит сомнению, что Императрица Мария Федоровна, стоя на чисто европейской точке зрения на труд, столь долго приниженный у нас под влиянием крепостного права с одной стороны, и барской песни — с другой, желала приготовить для русского общества таких специалистов в этих областях реального знания, каких у нас нет и до сего времени <...> Не подлежит также ни малейшему сомнению, что она вовсе не желала ставить своих воспитанниц хозяйственного отделения в такое же служебное отношение к учебному, в какое было поставлено в тогдашнем Смольном институте мещанское отделение относительно дворянского. Она не имела в виду эксплуатировать в пользу заведения хозяйственный труд этих, менее способных к умственному труду, воспитанниц, а лишь желала научить их самих полезным и практическим знаниям, на которые всегда был и будет спрос и самой жизни.

<...>

Последующие параграфы устава 1811 года, относящиеся к учебной части, только подробнее излагают требования первоначального плана относительно назначения воспитанниц в одно из двух отделений, обязательности экзамена, равноправности будущих рукодельниц и хозяек с будущими учительницами и гувернантками, «поскольку все части одинаково для общества полезны».

<...>

Не ограничиваясь собственными посещениями институтских классов и присутствием на выпускных экзаменах, Государыня поручала наблюдение за учебною частью, кроме директоров, также и особым доверенным лицам, как напр. Вилламову, Новосильцеву, Шторху, а иногда даже институтскому врачу-хирургу Шольце, о посещениях которых ей делались обстоятельные донесения.

<...>

Присутствуя на экзаменах Мариинок, Императрица Мария Федоровна постоянно делала много отметок и замечаний карандашом, сохранившихся в старых делах. Цифровых баллов в тогдашних ведомостях не существовало, и оценка делалась словами, напр. об окончивших курс: «в науках и рукодельях успела», или «успела более в рукодельях, нежели в науках», или «училась изрядно и довольно успела в рукодельях» и т. под. Незадолго до своей кончины, именно в 1827 году, Государыня признала за лучшее изменить сроки экзаменов и выпусков, отдав следующий приказ по Мариинскому институту (от 7 сент.). «Для установления по сему институту так, как и в других,

постоянных сроков для выпуска и приема воспитанниц, Я заблагорассудила предписать следующие правила. Экзамену, предшествующему выпуску, быть всегда в *апреле месяце*, вскоре после Пасхи, и после экзамена немедленно представлять Мне список выпускным воспитанницам; с того же времени начать принятие прошений об определении детей в институт. По утверждении Мною представления о выпускных воспитанницах, *заняться приисканием мест* для не имеющих родителей или родственников, которые могли бы взять их из института, так чтобы выпуск непременно мог последовать *25 июня*.

По учинении оного, представлять Мне список просящим о принятии в институт и, по получении Моего утверждения, производить баллотирование, буде оно по числу мест нужно, *20-го июля*». Таким образом, собственно *каникулярное* время продолжалось около 2-х месяцев, что облегчало постепенное и неспешное прохождение курсов, без обременения для физического здоровья воспитанниц; практика же в новых языках для них не прекращалась в течение первого года и вполне обеспечивала успешное их усвоение.

<...>

д) Материальные средства.

Устроив свои отдельные институты на самых дорогих для нее *семейных* началах, Императрица Мария Федоровна, как уже было упомянуто, стеснялась отнести его содержание на государственный счет; а потому все расходы по воспитанию и образованию сирот, по устройству их дальнейшей судьбы, по награждению служащих и в разных экстренных случаях,

за все почти 32-х летнее управление заведением она принимала на счет собственной кассы, отличаясь в своей частной жизни крайней бережливостью и той простотой, которой обыкновенно отличается большинство великих людей. И в этом отношении она представляла такой же контраст со своей гениальной Предшественницей, какой оказывался и в их взглядах на общественное воспитание. Уже в своем первоначальном плане, в отдел под заглавием «*Depense*», Государыня устанавливает правило, по которому в институте «должна быть соблюдаема строжайшая бережливость», в виду которой «*надо стараться*, чтобы все работы по содержанию воспитанниц исполнялись в самом институте, и чтобы воспитанницы умели вязать для себя чулки, а также кроить и шить свое белье и платье».

Бюджет заведения за первые 10 лет его существования не превышал 13.000 руб. асс., не считая особых пожалований Государыни в отдельных случаях, но затем стал постоянно увеличиваться, и в штатах, приложенных к уставу 1811-го года, возрос уже до 18.000 руб. асс. Как ни старалась Государыня удержать свое заведение в определенных рамках — для 50-ти воспитанниц, но число нуждающихся и просящих было так велико; ходатайства приближенных лиц столь неотступны и убедительны, что ее нежное сердце не могло не уступать, — и наличное число пансионеров нередко далеко превышало комплект.

<...>

Благодаря таким отступлениям, увеличивавшим число воспитанниц Мариинского института, увеличивался и его бюджет, который, еще к 1 января

1821-го года, Государыня увеличивает до 23.350 руб. асс., постоянно делая все дальнейшие экстраенные приплаты. Постепенные усовершенствования в воспитательной части, как напр., увеличение воспитательного персонала, а по учебной — увеличение числа уроков и привлечение лучших и дороже оплачиваемых учителей; развитие внутреннего благоустройства — все это неудержимо влечет Государыню к новым личным расходам.

Тем не менее, она рано начинает заботиться о еще более прочном обеспечении созданного ею учреждения, по возможности — на вечные времена. Она периодически откладывает в Сохранную казну известные суммы денег, остающихся от ее личного бюджета, на образование особого *неприкосновенного капитала*, проценты с которого шли бы на содержание Мариинского института. Первый взнос был сделан Государыней 11 октября 1809-го года, в количестве 126.437 руб. 75 коп. асс., а к 1815-му году, по отчету Сохранной казны, этот капитал составлял уже 284.401 руб. 57 коп. асс., постоянно возрастая до самой кончины Государыни, когда он возрос до 804.469 руб. 60 коп. асс., т. е. обеспечивал институту <...> ежегодную сумму свыше 48.000 руб. асс., более чем достаточную для его существования в прежних скромных размерах.

<...>

Все расходы по институту, составлявшие, как показывает § 24 устава, в сущности расходы самой Государыни, производились не иначе, как с ведома и разрешения его директора, который, по истечении каждого месяца, делал у эконома проверку кассовой книги, оправдательных документов и наличных сумм заведения и немедленно доносил

Государыне. Личный контроль ее за расходами по институту был настолько тщателен и строг, что директрисе приходилось обращаться к ее авторитету в самых мельчайших подробностях институтского быта, вызывавших новый расход.

<...>

Насколько бережлива была Императрица Мария Федоровна в обыденной жизни института, настолько же, как уж было указано, щедра в наградах и милостях. Директриса Наймановская, в 1822 году, разом получила 555 руб. асс. *постоянной* прибавки к содержанию, которое в общем простиралось до 4.791 руб. 84 коп. асс.; из них 2.095 руб. 92 коп. из Государственного Казначейства.

Ежегодные награды служащим производились в значительных размерах; как, напр., в 1815 г. к Пасхе Государыней были распределены 522 руб. 85 коп. <...> С течением времени размер таких наград постепенно увеличивался. Пенсии, за неимением утвержденного в законодательном порядке штата, производились по особым представлениям Государыни; так эконом Иогансон, за 17 лет службы при институте, получил пенсию в 350 руб. асс. в год.

е) *Помещение института.*

В продолжение первых 40 лет своего существования, Мариинский институт помещался в довольно густо населенной части города, а именно — в тогдашней 2-ой Адмиралтейской, ныне Казанской части, на углу Екатерининского канала и Львиного переулка. При доме существовал небольшой двор, сада же вовсе не было. Помещение это постепенно расширялось и приспособлялось к потребностям заведения, и 3-й этаж был,

вероятно, надстроен впоследствии, так как лишь в 1817 году здесь была устроена домовая церковь во имя Св. Равноапостольной Марии Магдалины. <...> При институте имели квартиры: начальница, ее помощница и классные дамы, а также священник, эконом и один из учителей. При значительном иногда числе сверхкомплектных, определяемых Государыней в экстренных случаях и на ее счет, в помещении могло быть тесно, а потому она тем настойчивее напоминала о том, чтобы воспитанницы почаще бывали на воздухе, а слабых здоровьем брала на время к себе в Гатчину или Павловск.

<...>

Таков был Марининский институт и таковы были стремления и заботы о нем его незабвенной Основательницы за первый период его существования. Уже чувствуя приближение своей кончины, она выражает в своем духовном завещании столь понятное и столь законное желание, чтобы созданные ею учреждения сохранили в своей дальнейшей жизни и начала, которые были положены ею в основание этих учреждений и утверждены с такими неусыпными трудами, попечениями и жертвами. «Все мы, — говорит она в конце своего завещания, — должны быть воодушевлены одной мыслью: *сохранить в точности и неизменности все правила, начертанные для сбережения дарованных заведений привилегий*, употребляя все старания к тому, чтобы сберечь детский возраст, развивая в нем, насколько возможно, материнские чувства; уметь прийти на помощь вдовам и сиротам; облегчить страждущих и помнить, что тогда только мы исполняем дела милосердия, в которых пример даровал Собою Божественный Спаситель наш.

Проникнувшись такими мыслями, мы не свершим труда, который был бы свыше наших сил». По свидетельству графа Уварова, «никогда ни один общественный деятель не прилагал к исполнению своего долга такой трудолюбивой деятельности, такой неусыпной бодрости! Вставая с рассветом, Императрица каждому часу дня определяла назначение: или в своем кабинете, откуда давала направление многочисленным своим институтам, или в самих заведениях, где обращала на каждый предмет радательное внимание; никакие подробности не казались для Нее не достойными этого. Доступная для всех, приветливая, снисходительная, Она живительно поощряла, порицала кротко. Обширная администрация совершалась под Ее надзором, и все, кто только имел счастье видеть Императрицу вблизи, стократ поражены были деятельностью, которой ничто не утомляло. В среде молодости, которую Императрица была окружена, Она принимала само нежное участие в благосостоянии ее и успехах. Она знала дарования и семейную обстановку каждого ребенка, удостоенного Ее материнских попечений, знала все их нужды и т. д.» Карамзин выражал мнение, что Императрица Мария Федоровна была бы лучшим «Министром просвещения» в России, а Плетнев называл Ее «Министром благотворительности». Все эти высокие качества ума и сердца незабвенной Государыни действительно подтверждаются при ближайшем знакомстве с Ее управлением первым Ее по времени и наиболее близким ей по мысли и организации заведением — Ее собственным Марининским институтом.